

**МЫ ДЕЛАЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
И ОСВЕДОМЛЁННОСТЬ В ПРАВОВОЙ
СФЕРЕ ДОСТУПНЫМИ ШИРОКОМУ КРУ-
ГУ ЛИЦ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА**

ПРОЕКТ НОВОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ: КАКИЕ ПРАВА ГРАЖДАН И СОБСТВЕННИКОВ ОКАЗЫВАЮТСЯ ПОД РИСКОМ?

Проект нового Гражданского кодекса Украины, внесённый как законопроект №15150 и принятый Верховной Радой за основу 28 апреля 2026 года, подаётся как масштабная рекодификация частного права и попытка приблизить украинское регулирование к европейским стандартам.

Однако уже на стадии первого чтения вокруг документа возникла серьёзная правовая и общественная полемика: критики указывают, что под языком модернизации и цифровизации проект может заложить механизмы, способные сузить прозрачность оборота, ослабить защиту собственности, усложнить финансовый мониторинг и ухудшить баланс между частной жизнью, публичным интересом и свободой информации.

Ключевая проблема состоит не только в отдельных спорных статьях, но и в самой архитектуре документа. Проект одновременно расширяет сферу приватности, вводит новые цифровые правомочия, меняет понятийный аппарат частного права и стремится заново очертить границу между личным, публичным и имущественным. В условиях военного времени, санкционного контроля, коррупции и высокой зависимости граждан от реестров, банковской идентификации и публичных цифровых сервисов такие изменения создают повышенный риск правовой дестабилизации.

28 апреля 2026 года парламент Украины оперативно снял с рассмотрения предыдущий проект Гражданского кодекса и в тот же день взял за основу новый законопроект №15150. По сообщениям украинских медиа и правозащитных структур, скорость продвижения проекта и недостаточная публичная

дискуссия стали отдельным предметом критики, поскольку речь идёт о фактическом переписывании базовых правил частноправового оборота.

По состоянию на начало мая 2026 года Amnesty International публично заявила, что проект нового кодекса угрожает правам человека, а часть положений способна нанести ущерб женщинам, людям с инвалидностью и другим уязвимым группам. Одновременно украинские деловые и юридические издания подчёркивали, что последствия проекта выходят далеко за рамки семейного или личного статуса и затрагивают открытые данные, корпоративную прозрачность, банковский сектор и защиту прав собственности.

Сам по себе масштаб проекта подтверждает глубину возможных последствий. По сообщениям прессы, новый кодекс предполагает девять книг и около 1949 статей, то есть не частичную корректировку действующего регулирования, а почти полную смену базовой модели гражданского права. Поэтому юридически корректнее рассматривать его не как «обычную кодификационную реформу», а как попытку перераспределить правомочия между гражданами, собственниками, бизнесом, журналистами, цифровыми платформами и государственными регистрами.

На первый взгляд проект можно представить как внутренний профессиональный спор о юридической технике. Но фактически речь идёт о вопросах, затрагивающих повседневную жизнь миллионов людей: доступ к информации о контрагенте, возможность проверить активы должника, защитить себя от мошенничества, сохранить цифровую репутацию, доказать связь компа-

нии с бенефициаром, собрать сведения о собственности, наследовании или корпоративной структуре.

Для гражданина риск проявляется в том, что чрезмерно широкая приватизация сведений и цифровых профилей может усложнить защиту его же прав. Если открытые данные будут обезценены, то добросовестный покупатель недвижимости, работник, кредитор, наследник или инвестор окажутся в более слабом положении перед теми, кто умеет скрывать связи, историю владения и проблемные активы. Для собственника риск состоит в обратном парадоксе: кодекс, декларирующий усиление частноправовой автономии, может подорвать предсказуемость имущественного оборота, а значит и фактическую безопасность собственности.

Одной из наиболее резонансных норм критики называют статью 328 о «праве на забвение». По оценке юристов YouControl, проект позволяет физическому лицу требовать удаления информации о себе из поисковых систем и баз данных не только при её недостоверности или незаконной обработке, но и тогда, когда информация «потеряла общественный интерес».

Именно эта формула создаёт фундаментальный риск для гражданских прав и имущественной безопасности. Категория «потеря общественного интереса» сама по себе оценочна и способна дать бывшим бенефициарам санкционных компаний, фигурантам коррупционных расследований или лицам, связанным с токсичными активами, инструмент для ретроспективного «очищения» своей деловой биографии.

Продолжение на стр. 4

ДЕСЯТИКРАТНОЕ ПОВЫШЕНИЕ ШТРАФОВ ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК: РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

В мае 2026 года в украинском публичном поле вновь обострился спор о языковой политике, но на этот раз он вышел далеко за пределы символического конфликта.

Поводом стало публичное заявление уполномоченной по защите государственного языка Елены Ивановской о том, что для систематических нарушителей языкового законодательства «увеличить штрафы в 10 раз — это вполне рабочий вариант». На фоне уже действующих санкций это означает переход от сравнительно умеренных административных взысканий к модели, при которой максимальный штраф может приблизиться к 119 тыс. гривен.

С формальной точки зрения речь идёт не о запрете русского языка как такового в частной жизни, а об ужесточении ответственности за нарушение законодательства о государственном языке в профессиональной деятельности, сфере обслуживания, публичных коммуникациях и части интернет-представительств. Но в социально-правовом смысле эффект такого курса значительно шире: вопрос заключается уже не только в приоритете украинского как государственного языка, а в том, где проходит граница между языковой политикой государства, административным принуждением, свободой выражения мнения, трудовыми правами работников и правами русскоязычных потребителей. Для правового анализа важно отделять три уровня проблемы. Первый — действующее право: что

именно уже предписывает закон и какие штрафы применяются сейчас. Второй — новое политико-административное предложение: кому и в каком объёме хотят усилить ответственность. Третий — более широкий вопрос о правовом статусе русскоязычных граждан Украины, то есть о том, не превращается ли языковое регулирование из инструмента обеспечения функционирования государственного языка в механизм дисциплинарного давления на значительную языковую группу.

Базовым актом остаётся закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного». Как указывают украинские издания, статья 30 этого закона требует, чтобы все поставщики услуг, независимо от формы собственности, обслуживали потребителей и предоставляли информацию о товарах и услугах на украинском языке. Кроме того, для ряда субъектов установлено требование иметь украинскую версию интернет-представительства, которая должна загружаться по умолчанию.

Следовательно, юридически корректнее говорить не о «штрафе за русский язык» в бытовом и всеобъемлющем смысле, а о санкциях за нарушение установленных законом правил использования государственного языка в определённых публичных и профессиональных сферах.

Однако именно в этих сферах происходит значительная часть реальной социальной жизни: работа, обслужива-

ние, торговля, реклама, онлайн-коммуникация, образование и контакт гражданина с учреждениями. Поэтому для русскоязычного жителя Украины вопрос имеет не отвлечённый, а повседневный характер.

С точки зрения действующего режима санкций картина на начало 2026 года уже достаточно жёсткая. По данным украинских публикаций, за первое нарушение в интернете или в иных охваченных законом сферах применяются штрафы от 3 400 до 5 100 гривен, а за повторное нарушение в течение года — от 8 500 до 11 900 гривен. Это означает, что даже без майских инициатив у государства уже есть оформленный административно-штрафной механизм контроля за языковым поведением бизнеса и работников в публичной сфере.

Ключевая новизна мая 2026 года заключается не в изменении самого закона, а в публичном смещении официальной линии в сторону более суровой карательной модели. Елена Ивановская заявила, что десятикратное увеличение штрафов является «вполне рабочим вариантом» для системных нарушителей, а существующие суммы для части бизнеса фактически остаются нечувствительными. Если исходить из действующего потолка повторного штрафа в 11 900 гривен, предложенная логика ведёт к потенциальному максимуму около 119 тыс. гривен.

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 3

Именно это обстоятельство превращает языковой вопрос из культурно-политического в отчётливо имущественный.

Когда нарушение языкового режима связывается с санкцией, сопоставимой для малого бизнеса с месячной арендой, зарплатным фондом или частью оборотного капитала, язык становится не только знаком государственной идентичности, но и объектом экономического принуждения. Для работников сферы услуг и руководителей предприятий это означает рост комплаенс-риска: языковое поведение персонала теперь рассматривается как потенциальный источник существенных убытков.

Особенно показательно, что ещё в марте 2026 года в украинском медиаполе обсуждалась более умеренная линия — увеличение санкций в 2–3 раза, прежде всего в отношении юридических лиц. Майское заявление о десятикратном росте меняет не только масштаб, но и философию регулирования. Если штраф перестаёт быть предупреждающим и становится демонстративно тяжёлым, то государство фактически заявляет, что переходит от просветительской модели языковой политики к модели устрашения и дисциплинарного воздействия.

В правовом смысле русскоязычный клиент в Украине сохраняет статус потребителя, а значит обладает общими гарантиями уважительного обращения, доступа к информации о товаре и услуге, возможности подать жалобу и защиты от дискриминации в тех пределах, в каких она признаётся действующим правом. Однако в языковой части его позиция объективно сужена:

обслуживание по умолчанию должно вестись на украинском языке, и именно это является юридически защищённым стандартом.

Отсюда возникает важная асимметрия. Украиноязычный клиент вправе требовать соблюдения языкового закона, тогда как русскоязычный клиент не обладает симметричным публичным правом на обязательное обслуживание на русском языке. Русский язык сохраняется лишь как социальная практика, возможная по согласию сторон или в неформальном общении, но не как нормативно гарантированный стандарт в сфере услуг.

При дальнейшем ужесточении штрафов эта асимметрия будет усиливаться. Даже там, где работник и клиент готовы перейти на русский по взаимному согласию, риск жалобы, проверки и административного взыскания создаёт сильный охлаждающий эффект. В результате правовой режим начинает воздействовать не только на поведение «системных нарушителей», но и на любые гибкие формы языковой адаптации в реальной коммуникации.

Юридически это особенно важно для оценки принципа пропорциональности. Государство вправе защищать государственный язык, но мера воздействия должна быть соразмерной цели и не разрушать саму возможность разумного учета многоязычной социальной реальности. Когда санкции становятся столь высокими, что бизнес предпочитает полностью исключить даже ситуативное использование русского языка, возникает риск фактического вытеснения целой языковой группы из привычных способов коммуникации в сфере услуг.

Для работника последствия ещё

серьёзнее, чем для клиента. Нормы языкового закона и практика контроля означают, что кассир, продавец, менеджер, администратор, оператор колл-центра, преподаватель, журналист, сотрудник интернет-магазина или контент-менеджер сталкиваются не просто с пожеланием работодателя, а с административно значимым требованием, нарушение которого может повлечь санкции для предприятия и дисциплинарное давление внутри коллектива.

На первый план выходит вопрос о перераспределении риска. Формально штраф налагается в установленном законом порядке на нарушителя или субъект хозяйствования, но фактически издержки часто перекладываются на работника: через внутренние приказы, обучение, мониторинг речи, выговоры, отказ в найме или увольнение под предлогом несоответствия корпоративным стандартам. Чем выше потенциальный штраф, тем сильнее у работодателя стимул очищать рабочее пространство от любой языковой спонтанности и выбирать только тех сотрудников, которые гарантируют полную лингвистическую лояльность.

С точки зрения трудового права это создаёт опасную серую зону. С одной стороны, работодатель обязан соблюдать закон о государственном языке. С другой — языковая дисциплина начинает функционировать как фильтр доступа к занятости, карьерному продвижению и сохранению рабочего места. Для русскоязычных работников, особенно в регионах с длительной практикой двуязычия, это означает неформальное повышение барьеров на рынке труда даже без прямого запрета на русский язык как язык частной жизни.

Проблема здесь не сводится к абстрактному «комфорту общения». Язык на рабочем месте связан с вопросами достоинства, психологической безопасности, доступа к занятости и недискриминации по косвенным признакам. Если правовой режим выстраивается так, что использование русского языка в профессиональной коммуникации становится токсичным и экономически опасным, то русскоязычный работник оказывается в положении группы, вынужденной постоянно подтверждать свою нормативную допустимость.

Продолжение на стр. 10

Продолжение. Начало на стр. 1

В результате под угрозой оказывается не только журналистика расследований, но и повседневная правовая навигация гражданина, который принимает решение о найме, покупке, доверительном управлении, аренде, инвестировании или заключении договора займа.

В действующей европейской модели право на забвение не является абсолютным и должно балансироваться со свободой выражения мнения, общественным интересом и юридическими обязанностями по раскрытию информации. Критика проекта как раз и строится на том, что украинская версия может оказаться шире и слабее ограниченной, чем аналогичные европейские конструкции, а следовательно — удобной для злоупотреблений.

Ещё более спорным элементом проекта является перенос логики приватности на юридические лица. В публикациях о законопроекте подчёркивается, что он фактически наделяет компании собственным «цифровым образом», обработка которого может требовать согласия соответствующего лица.

Для прав человека такая логика выглядит сомнительно уже на уровне принципа: приватность традиционно защищает человеческую личность, а не коммерческую структуру как участника оборота.

Для граждан и собственников последствия этой конструкции особенно чувствительны. Если деловая информация о компании, её связях, цифровом профиле и публичной активности будет приравниваться к квазичастной сфере, то добросовестные участники рынка потеряют значительную часть инструментов проверки контрагента. Это увеличивает риск заключения сделок с фиктивными компаниями, фирмами-прокладками, структурами с сомнительными бенефициарами или активами, отягощёнными судебными и санкционными рисками.

Юридический парадокс здесь особенно заметен: проект декларирует укрепление частного права, но может ослабить именно ту прозрачность, без которой право собственности и свобода договора превращаются в формальность. Собственник защищён не только нормой о неприкосновенности имущества, но и информационной средой, позволяющей оценить риски, доказать

добросовестность и обнаружить недобросовестное поведение другой стороны.

Проект также вводит категории «цифрового личного пространства», «цифрового профиля» и связанного с ними режима согласия на обработку. В критических оценках подчёркивается, что при слишком широком понимании этих конструкций фактически под удар может попасть работа OSINT-систем, аналитических платформ, комплаенс-сервисов и иных инструментов, которые агрегируют сведения из открытых источников — государственных реестров, судебных решений, санкционных списков, антикоррупционных баз.

На уровне правовой политики это означает смещение центра тяжести от презумпции открытости к презумпции контролируемого доступа. Для гражданина это плохо потому, что открытые цифровые следы нередко выступают единственным способом понять, с кем он имеет дело, кто стоит за активом, какова история фирмы, нет ли судебных споров, арестов, исполнительных производств или иных тревожных сигналов. Для собственника, особенно малого и среднего, это означает рост транзакционных издержек: проверка контрагента становится дороже, медленнее и менее надёжной.

Критики проекта предлагают более узкий подход: считать «цифровым образом» прежде всего те аккаунты и профили, которые лицо создало само, и не распространять режим согласия на переработку сведений из государственных реестров и иных открытых источников.

Если такого уточнения не будет, кодекс рискует создать коллизию между защитой цифровой личности и необходимостью прозрачности оборота, причём расплачиваться за неё будут не абстрактные платформы, а обычные пользователи, инвесторы, потребители и собственники.

Отдельное внимание в критике законопроекта занимает статья 337 о праве на «информационный покой». В мягкой версии эта идея может восприниматься как социально оправданная: например, как защита работника от давления работодателя вне рабочего времени. Но при неясной формулировке та же норма может стать инструментом так называемых SLAPP-исков — стратегических исков против участия

общественности, когда цель обращения в суд состоит не столько в защите права, сколько в запугивании журналистов, активистов или аналитических платформ.

Для гражданских прав это означает риск сужения пространства общественного контроля. Если публикация расследования о недобросовестном собственнике, должнике, компании или публичном деятеле может быть представлена как нарушение чьего-то «информационного покоя», то под ударом оказываются не только журналисты, но и любой гражданин, который зависит от существования публичной критической информации для защиты своих имущественных и личных интересов.

В такой конструкции бремя неопределённости переносится на более слабую сторону: на того, кто ищет правду о контрагенте, а не на того, кто скрывает её.

Хотя проект формально говорит языком модернизации частного права, на практике под угрозой оказывается несколько базовых элементов защищённой собственности. Во-первых, это предсказуемость оборота: если исторические данные о компаниях, активах и бенефициарах могут исчезать или ограничиваться, собственник теряет возможность разумно оценивать риски. Во-вторых, страдает доказуемость добросовестности: в споре о приобретении актива, корпоративном контроле или проверке контрагента меньшее количество доступных данных означает более слабую правовую позицию.

В-третьих, возрастает риск мошенничества и недобросовестного реструктурирования активов. Если цифровой профиль компании и связанные с ней сведения станут труднодоступными, то сокрытие аффилированности, связей с подсанкционными лицами, истории проблемной собственности или корпоративных трансформаций станет проще. Для малого собственника это особенно опасно: крупный игрок ещё может купить дорогостоящий комплаенс и доступ к альтернативной аналитике, тогда как рядовой участник рынка окажется практически вслепую.

Наконец, под угрозой оказывается сама связь между правом собственности и принципом публичной достоверности.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 1,4

Современный имущественный оборот держится не только на титуле, но и на доступе к проверяемой информации о происхождении, истории и ограничениях актива. Когда публичная среда становится непрозрачной, титул юридически остаётся, но материальная защищённость собственности ослабевает.

Проект вызывает тревогу не только у бизнеса и исследователей открытых данных. Amnesty International предупредила, что ряд положений способен негативно затронуть уязвимые группы и противоречить стандартам прав человека. Это означает, что спор вокруг кодекса нельзя сводить к технократическому конфликту между сторонниками реформы и цифровыми платформами: в действительности он касается модели гражданства, частной автономии, семейных отношений, недискриминации и доступа к правосудию.

Если кодекс даёт чрезмерные инструменты по сокрытию информации сильным участникам оборота и одновременно оставляет неопределёнными механизмы защиты более слабых сторон, то формальное расширение частноправовой автономии может превратиться в фактическое усиление неравенства. Это особенно важно для Украины в 2026 году, когда граждане уже находятся под давлением войны, перемещения, потери имущества, мобилизационных ограничений и роста зависимости от административных и цифровых процедур.

Сторонники реформы апеллируют к необходимости приблизить украинское частное право к европейским стандартам. Однако сама ссылка на Европу мало что доказывает, если заимствования происходят фрагментарно и без встроенных сдержек. Европейские правовые конструкции работают не

изолированно, а в связке с сильными судами, развитой практикой пропорциональности, зрелой культурой защиты персональных данных и институциональным балансом между приватностью и публичным интересом.

Украинская проблема в том, что проект, судя по критическим публикациям, заимствует язык прав личности, но может применить его вне контекста тех ограничителей, которые в европейском праве препятствуют злоупотреблениям. В результате вместо гармонизации с европейской моделью возникает риск её имитации: частная жизнь декларируется, а публичная подотчётность размывается.

Любая рекодификация частного права чувствительна сама по себе, но в условиях войны её цена возрастает. На фоне санкционных режимов, финансового мониторинга, поиска связей с токсичными активами, перемещения людей и массовых имущественных споров информационная прозрачность становится элементом общественной безопасности. Поэтому нормы, которые в мирное время могли бы обсуждаться как тонкая балансировка цифровых прав, в 2026 году приобретают иной масштаб и способны повлиять на противодействие коррупции, выявление обходных схем и защиту добросовестных приобретателей.

Военное время также повышает значение доверия к правовой системе. Если граждане увидят, что новый кодекс упрощает сокрытие репутационно значимой информации о компаниях и бенефициарах, это будет восприниматься не как модернизация права, а как институциональное укрепление теневого капитала. Именно поэтому в критических материалах звучит тезис, что без серьёзной переработки проект способен отбросить страну на годы назад в сфере прозрачности и антикор-

рупционной инфраструктуры.

Из уже опубликованных критических замечаний можно вывести несколько направлений необходимой доработки. Во-первых, право на удаление или обезличивание информации в общедоступных источниках должно быть жёстко ограничено случаями незаконной обработки или недостоверности данных, а не расплывчатой «утратой общественного интереса». Во-вторых, следует исключить или радикально сузить концепцию «приватности юридического лица», сохранив открытость корпоративной и регистрационной информации как условие безопасности оборота.

В-третьих, необходимо прямо закрепить, что сведения из государственных реестров, судебных баз, антикоррупционных и санкционных источников могут обрабатываться без согласия лица в целях добросовестной проверки, журналистики, общественного контроля и исполнения юридических обязанностей по комплаенсу. В-четвёртых, формулировка об «информационном покое» требует настолько точного ограничения, чтобы исключить её использование в качестве правового оружия против общественно значимой информации.

Для гражданина главный вопрос звучит просто: станет ли после принятия кодекса легче защитить себя от обмана, злоупотреблений и непрозрачных схем? Из имеющейся критики следует скорее отрицательный ответ: в нынешнем виде проект может укрепить позиции тех, кто заинтересован в сокрытии связей, прошлом проблемных активов и корпоративной биографии. Для собственника основной риск состоит в ослаблении доказательной и информационной среды собственности, без которой даже формально сильный титул становится уязвимым.

Поэтому спор о новом Гражданском кодексе — это не абстрактная дискуссия о красивых юридических формулах. Это спор о том, будет ли украинское частное право строиться на презумпции прозрачности и добросовестности либо на расширенной возможности скрывать данные под видом защиты цифровой личности и приватности. В 2026 году, на фоне войны и кризиса доверия к институтам, этот выбор имеет не только юридическое, но и выраженное политико-социальное значение.

БЕСПЛАТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

КАКИЕ ДЕЙСТВИЯ ТЦК И ПОЛИЦИИ УЖЕ СЕЙЧАС МОЖНО ОСПАРИВАТЬ КАК НЕЗАКОННЫЕ

Настоящий материал подготовлен в формате развернутой юридической консультации и посвящен анализу тех действий территориальных центров комплектования и социальной поддержки, а также сотрудников Национальной полиции Украины, которые в условиях мобилизационной практики 2025–2026 годов могут быть квалифицированы как противоправные и подлежащие обжалованию в административном, судебном либо уголовно-процессуальном порядке. В 2026 году спор вокруг правовых пределов мобилизационных полномочий государства сместился из абстрактной плоскости в область конкретных конфликтов: принудительного доставления в ТЦК, уличных задержаний, лишения свободы без надлежащего процессуального оформления, ограничения доступа к адвокату, изъятия личных вещей, формального прохождения военно-врачебной комиссии и вынесения решений о призыве в обход установленных гарантий.

Проблема имеет не только практический, но и фундаментальный конституционно-правовой характер. Даже в условиях военного положения государство не освобождается от обязанности действовать на основе закона, в пределах компетенции и способом, прямо предусмотренным нормативными актами. Из этого вытекает основной тезис настоящего заключения: не всякое действие, совершаемое под лозунгом мобилизации, автоматически становится законным; напротив, сама чрезвычайность периода требует особенно строгого соблюдения процедуры, поскольку отступление от нее означает не «усиление обороны», а подрыв принципа правового государства. Именно поэтому любые случаи фактического лишения свободы, применения физического принуждения, давления при подписании документов, недопуска защитника или вынесения решений ВВК без полноценного обследования должны рассматриваться не как «издержки времени», а как юридически значимые нарушения, порождающие право на

защиту. В 2026 году общественная и правовая чувствительность к данной теме заметно возросла. По сообщениям украинских СМИ, с февраля 2022 года уполномоченный Верховной Рады по правам человека получил почти 12 тысяч жалоб на действия ТЦК и СП, а только за первый квартал 2026 года поступило свыше 1,6 тысячи обращений от граждан.

Массовость жалоб свидетельствует не о наборе единичных эксцессов, а о системном характере конфликтов между гражданами и органами, участвующими в мобилизационных мероприятиях. Для юридической оценки это принципиально важно: устойчивое повторение однотипных схем.

Задержание на улице без документов, помещение в транспортное средство, доставление в ТЦК под угрозой силы, лишение возможности связаться с близкими или адвокатом — позволяет говорить о наличии повторяющихся практик, требующих не только индивидуального оспаривания, но и более общего нормативного пересмотра.

Исходной точкой правового анализа служит разграничение компетенции ТЦК и полиции. Сотрудники ТЦК не наделены самостоятельным правом осуществлять административное задержание граждан, применять к ним принудительное доставление по собственной инициативе либо фактически лишать их свободы передвижения. Их функции связаны прежде всего с воинским учетом, оповещением, организацией прохождения медицинских процедур и оформлением документов, тогда как меры физического принуждения и административного задержания находятся в зоне полномочий полиции и допускаются лишь при наличии четко определенных законом оснований. Следовательно, любое силовое вмешательство со стороны ТЦК, не опосредованное законной процедурой и компетентным субъектом, изначально находится в зоне повышенного риска признания противоправным.

Особое место в современной мо-

билизационной практике занимает феномен, получивший в общественном и медийном обороте название «бу-сификация». Под этим обозначением понимают принудительное помещение гражданина в автомобиль либо микроавтобус и его доставление в ТЦК без полноценного разъяснения прав, без вручения надлежащих документов и нередко без участия полицейских в установленном законом качестве.

Юридическая проблема здесь очевидна: подобное действие по своему фактическому содержанию представляет собой ограничение свободы передвижения и, в ряде случаев, лишение свободы, а значит требует безупречного процессуального основания. Когда такого основания нет, разговор идет уже не о «технической доставке», а о противоправном принуждении, которое может влечь административную, дисциплинарную либо уголовную ответственность виновных лиц.

В ряде публикаций 2026 года адвокаты указывают, что принудительное доставление в ТЦК не может служить заменой обычному вручению повестки. Если лицо не состоит в розыске, не совершило административного правонарушения в сфере воинского учета и не подпадает под специальные предусмотренные законом случаи реагирования, единственным надлежащим способом вызова остается официальное вручение повестки с соблюдением установленной процедуры. Данный тезис имеет принципиальное значение.

Он означает, что уличная логика «сначала доставим, потом разберемся» противоречит самой конструкции правового регулирования: правовое государство не допускает презумпцию виновности в вопросах учета и мобилизации, а потому бремя обоснования принудительной меры лежит на государственном органе, а не на гражданине, который постфактум вынужден доказывать незаконность уже совершенного в отношении него принуждения.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

Юридически уязвимыми являются и действия полиции, если они выходят за пределы допустимой процедуры. Хотя именно полиция, а не ТЦК, обладает полномочиями по применению отдельных мер принуждения, само наличие таких полномочий не означает их безусловной и неограниченной реализации. В профильных публикациях подчеркивается, что доставление в ТЦК допустимо только при наличии четко очерченных условий: например, когда лицо находится в розыске, отсутствуют военно-учетные документы в ситуациях, прямо предусмотренных законом, либо имеет место административное правонарушение в сфере воинского учета. Во всех иных случаях принудительное вмешательство полиции оказывается лишним достаточного правового основания и, следовательно, может быть предметом жалобы, иска и требования о признании соответствующих действий противоправными.

Не менее важным критерием законности является процессуальная форма задержания. Юридические материалы 2026 года отдельно акцентируют, что лицо не может удерживаться сколь угодно долго под предлогом «уточнения данных» либо ожидания представителей ТЦК. Адвокаты ссылаются на пределы административного задержания и указывают, что подобное удержание ограничено по времени, а его превышение создает самостоятельное основание для признания действий незаконными. Практически это означает, что если гражданин фактически лишен свободы, но при этом в отношении него не составлены надлежащие процессуальные документы, не разъяснены права, не предоставлена возможность получить юридическую помощь и не определен точный статус удержания, такое положение не может считаться правомерным только потому, что осуществляется в помещении ТЦК или под эгидой мобилизационных мероприятий.

С точки зрения юридической квалификации следует различать несколько групп нарушений. Первая группа — это превышение компетенции, когда ТЦК присваивает себе несвойственные ему функции физического задержания и доставления граждан. Вторая — нарушение процедуры даже при формально допустимом участии полиции, если отсутствуют документы, не соблю-

ются сроки, не разъясняются права и не обеспечивается доступ к защитнику. Третья — неправомерное воздействие на волю гражданина, выражающееся в психологическом давлении, принуждении к подписанию документов, отказе знакомить с содержанием актов и препятствовании получению копий решений. Четвертая — медицинско-административные нарушения при прохождении ВВК, когда решение о годности принимается формально, без надлежащего исследования состояния здоровья или вопреки представленным документам.

Особое внимание необходимо уделить вопросу доступа к правовой помощи. Гражданам, доставленным в ТЦК, препятствуют в контакте с адвокатом, ограничивают пользование телефоном, не позволяют связаться с родственниками и фактически изолируют их до момента оформления документов. Подобная практика имеет очевидный антиправовой характер. Право на юридическую помощь представляет собой не декоративную формальность, а ключевую гарантию против произвола. Если лицо находится в ситуации фактического принуждения и одновременно лишено возможности немедленно обратиться к защитнику, это создает серьезное сомнение в добровольности любых дальнейших процессуальных действий, включая подписание объяснений, согласие на прохождение медицинских процедур и получение документов.

Отдельно должна рассматриваться практика изъятия личных вещей и документов. По сообщениям омбудсмена и юридических изданий, среди жалоб фигурируют случаи, когда у граждан забирают мобильные телефоны, документы, кошельки и иные личные предметы без ясного процессуального оформления и без указания правового основания. С правовой точки зрения подобные действия не могут оправдываться одной лишь ссылкой на мобилизационную ситуацию. Любое ограничение владения вещью, временное изъятие или фактическое лишение возможности распоряжаться личным имуществом требует четкой правовой процедуры. При ее отсутствии возникают основания для квалификации таких действий как превышение власти, самоуправство либо иное неправомерное вмешательство в имущественную сферу гражданина.

В юридической плоскости особую сложность представляет вопрос о последствиях признания мобилизации незаконной. В 2025–2026 годах в публичном поле одновременно существовали две разнонаправленные линии судебной практики. С одной стороны, отдельные материалы сообщали о решениях апелляционных судов, где мобилизация признавалась противоправной, а призванного гражданина обязывали уволить со службы и исключить из списков личного состава, если были доказаны грубые процедурные нарушения, включая незаконное задержание и отсутствие надлежащей ВВК. С другой стороны, СМИ освещали правовую позицию Верховного суда Украины о фактической «необратимости» процедуры мобилизации, согласно которой даже признание призыва противоправным само по себе не всегда влечет автоматическое увольнение лица со службы. Эта коллизия исключительно важна для практикующего юриста: она показывает, что обжалование действий ТЦК и полиции остается юридически значимым и необходимым, но должно строиться с учетом того, что вопрос о противоправности процедуры и вопрос о восстановлении первоначального статуса лица могут быть разведены судом по разным плоскостям защиты.

Именно поэтому правовая стратегия в таких делах не может ограничиваться абстрактной формулой «признать мобилизацию незаконной». Необходимо последовательно дробить предмет спора и формулировать несколько самостоятельных требований: о признании незаконным задержания, о признании незаконным доставления в ТЦК, о признании противоправными действий по недопуску адвоката, о признании незаконным решения ВВК, о признании противоправным и отмене приказа о призыве, а также, при наличии оснований, о возмещении вреда и направлении материалов для уголовно-правовой оценки действий должностных лиц.

Такой подход позволяет избежать ситуации, при которой суд формально сосредотачивается только на конечном результате мобилизационной процедуры и игнорирует весь комплекс предшествующих нарушений, сыгравших решающую роль в формировании этого результата.

Продолжение на стр. 8

Продолжение. Начало на стр. 6,7

Существенный блок незаконных действий связан с работой военно-врачебных комиссий. В 2025–2026 годах участились жалобы на формальное прохождение ВВК, когда решение о годности к службе принимается без полноценных обследований, без должного анализа ранее выданных медицинских заключений либо вопреки очевидным ограничениям по здоровью. Такая практика нарушает не только специальные правила медицинского освидетельствования, но и базовый принцип надлежащего администрирования. Административное решение, затрагивающее фундаментальные права и влекущее отправку человека в зону повышенного риска, не может основываться на фикции обследования или заведомо поверхностной медицинской оценке. В противном случае нарушается само требование обоснованности и добросовестности административного акта.

Особенно показательны случаи, в которых лица с серьезными хроническими заболеваниями, психическими расстройствами, подтвержденной инвалидностью либо иными значимыми медицинскими ограничениями признавались годными к службе либо их документы фактически игнорировались. С юридической точки зрения здесь возможно оспаривание не только конечного заключения ВВК, но и самой процедуры его вынесения: неполнота исследования, отказ принять документы, отсутствие мотивировки, недопуск к дополнительным обследованиям, отказ выдать копию решения комиссии. Каждое из этих обстоятельств может и должно использоваться как самостоятельный довод в административном иске, поскольку они демонстрируют, что решение принималось не в результате законной экспертной процедуры, а в логике заранее заданного мобилизационного результата.

Немалое значение имеет вопрос о вручении повесток и документальном оформлении вызова. Если лицо не нарушило правила учета и не находится в розыске, принудительное доставление вместо надлежащего вручения повестки противоречит разъяснениям, опубликованным в 2026 году в украинских медиа со ссылкой на специалистов по военному праву. Это означает, что уже на первичной стадии взаимодействия с гражданином органы обязаны со-

блюдовать приоритет менее обременительной процедуры. Принцип соразмерности требует, чтобы государство использовало принуждение только тогда, когда законный и более мягкий способ достижения цели действительно невозможен. Следовательно, переход к силовому сценарию без предварительного соблюдения стандартной процедуры вызова может квалифицироваться как нарушение принципа минимальной достаточности вмешательства.

В 2026 году тема незаконности насилия со стороны ТЦК и полиции получила и законодательное отражение. По сообщениям СМИ, в Верховной Раде обсуждались инициативы, прямо направленные на запрет неправомерного применения физической силы и специальных средств к военнообязанным при проверке документов и вручении повесток. Сам факт появления таких законопроектных предложений юридически значим. Он свидетельствует о том, что проблема признана не только обществом или адвокатским сообществом, но и самим законодателем как реальная и требующая специального реагирования. Иными словами, государство косвенно подтверждает наличие системной зоны правовой неопределенности и злоупотреблений, которые уже сейчас могут рассматриваться судами как нарушения основных административно-правовых стандартов.

С точки зрения правовой аргументации особую силу имеют не только абстрактные нормы, но и судебные выводы по конкретным делам. Материалы 2026 года сообщают о позиции Третьего апелляционного административного суда, который указал на отсутствие у работников ТЦК полномочий задерживать граждан и принудительно доставлять их в территориальный центр комплектования, а также признал противоправным приказ о призыве, изданный в результате такой процедуры. Даже если судебная практика по последствиям признания призыва незаконным остается неоднородной, сам вывод о незаконности задержания ТЦК без участия полиции имеет самостоятельное нормативное значение. Он может использоваться в исковых заявлениях, жалобах и адвокатских правовых позициях как ориентир для доказывания превышения компетенции и нарушения процедуры.

Следует подчеркнуть, что противоправность может заключаться не только в открытом насилии, но и в тонких формах административного давления. На практике граждан принуждают подписывать объяснения, заявления, акты прохождения ВВК, уведомления либо иные документы в состоянии фактической изоляции, без консультации с адвокатом и без возможности спокойно ознакомиться с содержанием бумаг. Формально такие документы могут выглядеть добровольными, но с юридической точки зрения их доказательственная ценность существенно снижается, если подтверждается, что волеизъявление формировалось в условиях принуждения, страха, недопуска защитника и ограниченной коммуникации. В таких обстоятельствах возникает вопрос не только о достоверности подписанных сведений, но и о допустимости их использования как основы последующих решений о призыве.

Противоправность действий ТЦК и полиции может выражаться также в отказе предоставить гражданину копии ключевых документов. Если лицо не получает на руки копию протокола, заключения ВВК, приказа, направления, акта или иного решения, оно объективно лишается возможности своевременно и предметно обжаловать эти действия.

Такой отказ нарушает принципы прозрачности административной процедуры и эффективного средства правовой защиты. Ведь право на обжалование не может считаться реальным, если государственный орган скрывает или удерживает именно тот документ, который должен стать предметом последующей проверки со стороны суда или вышестоящего органа.

С практической точки зрения уже сейчас можно выделить перечень действий, которые при наличии доказательств обладают высокой вероятностью быть признанными незаконными.

К ним относятся: самостоятельное физическое задержание гражданина работниками ТЦК; помещение его в транспортное средство без разъяснения оснований и без законного процессуального статуса; удержание в помещении ТЦК сверх допустимого срока и без оформления документов; отказ в доступе к адвокату.

Продолжение на стр.9

Продолжение. Начало на стр. 6, 7, 8

Вопрос доказательств в подобной категории дел является центральным. Незаконность нужно не только констатировать, но и доказывать, причем желательно множеством взаимно подтверждающих источников. Наиболее значимыми доказательствами являются видеозаписи момента задержания или доставления, показания очевидцев, геолокация телефона, сообщения и звонки родственникам, документы о времени пребывания в ТЦК, медицинские справки о телесных повреждениях, письменные заявления о недопуске адвоката, ответы органов власти на адвокатские запросы, а также копии либо отсутствие копий документов, которые должны были быть вручены гражданину.

В юридической практике особенно ценно немедленное обращение за медицинской фиксацией повреждений и документирование времени фактического лишения свободы. Чем меньше временной разрыв между нарушением и его фиксацией, тем выше доказательственная убедительность позиции заявителя.

В этом контексте правовая помощь должна строиться поэтапно. На первичном уровне необходимо добиваться прекращения незаконного удержания и фиксации самого факта нарушения. На следующем этапе — собирать и сохранять доказательства, направлять жалобы в полицию, прокуратуру, офис омбудсмена, Министерство обороны, вышестоящий ТЦК и иные компетентные органы. Затем — формировать административный иск о признании конкретных действий противоправными, а в необходимых случаях сочетать его с заявлениями о совершении уголовных правонарушений должностными лицами.

Важно понимать, что разрозненные устные жалобы редко дают результат; только последовательная фиксация фактов и процессуально грамотно оформленное обжалование способны перевести конфликт из плоскости бытового насилия в плоскость юридической ответственности.

Необходимо также учитывать, что в публичном пространстве продолжается спор о допустимых пределах принуждения при мобилизации. Однако наличие такого спора не отменяет базового юридического императива: любой орган власти обязан доказать

правомерность своего вмешательства. Гражданин не обязан терпеть произвольное ограничение свободы, чтобы затем постфактум искать оправдание для действий должностных лиц. В административном праве действует обратная логика: государство должно заранее располагать достаточным основанием для вмешательства и уметь документально подтвердить его как по субъекту, так и по процедуре.

Для правоприменителя особенно важно разграничивать две ситуации. Первая — когда гражданин действительно подлежит мобилизации с материально-правовой точки зрения, но процедура в отношении него грубо нарушена. Вторая — когда нарушены и процедура, и сам материальный статус лица, например оно имеет отсрочку, бронь, инвалидность или иное законное основание не быть призванным.

В первой ситуации основное внимание уделяется процессуальной противоправности и последствиям таких нарушений; во второй к этому добавляется спор о самом наличии у государства права призвать конкретное лицо. Обе ситуации юридически значимы, но требуют разных акцентов в доказательственной и исковой стратегии, на это важно обратить внимание.

Показательно, что даже на уровне официальных и полуофициальных дискуссий представители власти вынуждены признавать проблемность отдельных методов мобилизации. Для юриста это значит, что спор уже вышел из сферы «единичных злоупотреблений» и приобрел системный характер. Соответственно, ссылка на общеизвестность проблемы, подтвержденную статистикой жалоб омбудсмену и законодательными инициативами, может усиливать аргументацию о необходимости более строгого судебного контроля над подобными практиками.

Особую значимость имеет обращение к принципу эффективного средства правовой защиты. Если незаконное задержание, насилие, лишение связи с внешним миром и фиктивное медицинское освидетельствование не влекут реальных юридических последствий для должностных лиц, сама система гарантий превращается в формальность.

Поэтому юридическая консультация по данной категории дел должна быть честной: оспаривание возможно и необходимо, но оно требует настой-

чивости, доказательственной дисциплины и понимания того, что даже признание отдельных действий противоправными не всегда автоматически ведет к полному восстановлению нарушенного положения. Тем не менее именно через такие дела формируется судебная практика, уточняются пределы полномочий ТЦК и полиции и создается правовой массив, который в дальнейшем способен ограничить произвольное применение силы в мобилизационной сфере.

В качестве итогового юридического вывода следует указать следующее. По состоянию на 2026 год уже сейчас могут быть предметом обжалования как незаконные: самостоятельные задержания граждан сотрудниками ТЦК; их принудительное доставление в ТЦК вне четко установленных законом оснований; участие полиции в доставлении без надлежащего документального оформления и за пределами предусмотренных случаев; удержание лица дольше допустимого срока без процессуального статуса; недопуск адвоката и ограничение связи; изъятие личных вещей и документов без правового основания; применение физической силы и специальных средств без законной необходимости; проведение ВВК с грубыми процедурными дефектами; вынесение приказов о мобилизации на основе незаконного задержания либо дефектного медицинского освидетельствования. Каждый из этих эпизодов подлежит самостоятельной правовой оценке и может стать основанием для жалобы, административного иска, обращения к омбудсмену, а при наличии признаков состава преступления — и для требования о начале уголовного производства.

Тем самым юридический ответ на вопрос о пределах допустимого поведения ТЦК и полиции в 2026 году выглядит достаточно определенно. Военное положение не аннулирует право, а лишь переводит его в более напряженный режим применения.

Если орган власти действует вне компетенции, без процедуры, без документов, без уважения к праву на защиту и без учета медицинских либо статусных обстоятельств гражданина, такие действия не становятся «жесткой необходимостью»; они остаются противоправными и должны оспариваться всеми предусмотренными законом средствами.

Продолжение. Начало на стр. 2,3

Административный штраф в языковой сфере работает не только как мера реагирования на уже совершённое нарушение. Он выполняет дисциплинарную и превентивную функцию, меняя поведение ещё до формального привлечения к ответственности. В этом смысле резкое увеличение штрафов особенно эффективно именно как механизм устрашения: большая часть субъектов будет подчиняться не потому, что их реально оштрафовали, а потому что они боятся потенциального взыскания.

Такой эффект заметен уже в действующей модели. По официальным данным, в 2025 году уполномоченная по защите государственного языка вынесла 706 постановлений, из которых 95 закончились штрафами, 404 — предупреждениями, а 207 дел были закрыты, в том числе из-за истечения сроков привлечения к ответственности. Эти цифры показывают, что контроль уже институционализирован и опирается не на случайные акции, а на работающий механизм приёма жалоб, проверок и административных решений.

Следовательно, десятикратное повышение штрафов — это не символическая риторика, а попытка усилить уже существующую правоприменительную инфраструктуру. Когда институт жалобы действует, размеры санкций имеют реальное значение. Чем выше штраф, тем больше вероятность, что работодатели, платформы, магазины и сервисные компании будут вводить более жёсткие внутренние протоколы контроля за речью сотрудников и содержанием коммуникации.

Для строгого анализа главный вопрос состоит не в том, может ли государство поддерживать государственный язык. Такой вопрос в украинском праве давно решён положительно.

Главный вопрос — где заканчивается допустимая языковая политика и начинается несоразмерное ограничение прав.

Принцип пропорциональности требует, чтобы вмешательство было пригодным для достижения цели, необходимым и не чрезмерным по сравнению с защищаемым публичным интересом. Если действующие штрафы уже позволяют предупреждать и наказывать нарушения, а государство при этом рассматривает увеличение санкций сразу в десять раз, то возникает законный вопрос: существует ли доказанная необходимость именно столь резкого ужесточения. Из доступных публикаций видно, что аргументация строится главным образом на тезисе о «нечувствительности» нынешних сумм для части бизнеса, но не на публично представленной доказательной базе о массовом провале действующего механизма.

Именно здесь проходит граница между правовым регулированием и политикой демонстративного наказания. Когда размер санкции становится самоценным символом жёсткости, усиливается риск того, что она будет преследовать не только законную цель обеспечения функционирования государственного языка, но и цель вытеснения нежелательной языковой практики любой ценой.

Особое значение имеет то, что языковое регулирование в Украине давно вышло за пределы офлайн-обслуживания. Украинские источники указывают на контроль интернет-ресурсов, наличие полноценной украинской версии сайтов и соблюдение языковых требований в онлайн-среде. Это означает, что под надзор попадают не только магазин, кафе или салон услуг, но и цифровая витрина бизнеса, социальные сети, онлайн-описания това-

ров, контент-поддержка и клиентские интерфейсы.

Для русскоязычного работника и предпринимателя это создаёт ситуацию постоянной видимости. Если раньше язык мог быть локальной характеристикой конкретного разговора, то теперь он становится элементом цифрового следа, который легче фиксировать, архивировать и использовать как основание для жалобы. В результате государственная языковая политика соединяется с логикой платформенного наблюдения: любой пользователь может стать заявителем, а любая опубликованная единица контента — потенциальным доказательством нарушения.

Такое расширение зоны контроля особенно существенно в контексте возможного увеличения штрафов. Чем выше ставка наказания, тем более чувствительным становится каждое фото меню, подпись к товару, фраза менеджера в переписке, видеоролик или запись телефонного разговора. В этом смысле майская инициатива усиливает не просто санкции, а весь режим нормативного мониторинга языкового поведения.

Хотя публично инициатива описывается через язык защиты государственного языка, её главным непосредственным адресатом выступает бизнес. Именно для «определённого сегмента бизнеса», по словам Ивановской, нынешние штрафы являются нечувствительными. Это позволяет сделать вывод, что государство рассматривает предпринимательскую среду как основную площадку языкового принуждения.

Но такой подход имеет двойной эффект. Крупный бизнес действительно способен быстро внедрить стандарты, обучить персонал и переработать цифровые интерфейсы. Зато малый и средний бизнес несёт непропорционально высокий риск: ограниченные бюджеты, нехватка кадров, региональная двуязычная практика и высокая зависимость от локальной клиентуры делают его особенно уязвимым перед штрафной эскалацией. Иначе говоря, единая санкция формально адресована всем, но фактически сильнее бьёт по тем, у кого меньше ресурсов для юридического и организационного комплаенса.

Продолжение на стр. 11

Продолжение. Начало на стр. 2,3, 11

Отсюда возникает ещё одна правовая проблема: равенство перед законом не всегда означает справедливость одинаковой санкции. Если административная политика не различает масштаб бизнеса, отрасль, характер нарушения и добросовестность попыток устранить его, то карательная модель может произвести регрессивный эффект — наказывать прежде всего слабых и периферийных участников рынка.

По состоянию на май 2026 года русскоязычные граждане Украины не лишены формально гражданских прав как таковых, и речь не идёт о прямом запрете использования русского языка в частной жизни. Однако в публичной, профессиональной и сервисной сферах их статус становится всё более асимметричным. Украинский язык получает не просто приоритет, а институциональную опору в виде жалоб, проверок, предупреждений и штрафов, которые могут быть многократно усилены.

Именно поэтому корректно говорить не столько о формальной дисквалификации русскоязычных, сколько о режиме их повышенной нормативной уязвимости. Русскоязычный клиент зависит от доброй воли собеседника, но не может требовать обслуживания на русском как защищённого стандарта. Русскоязычный работник может использовать русский в частной жизни, но в профессиональном пространстве сталкивается с растущим риском того, что его языковая практика будет рассматриваться как источник юридической и экономической опасности для работодателя.

В таком режиме язык перестаёт быть просто средством общения и превращается в маркер административного риска. Именно это и составляет главную новизну мая 2026 года: не запрет русского языка как декларация, а попытка существенно повысить цену его присутствия в тех сферах, где человек зарабатывает, обслуживает, продаёт, учит, консультирует и взаимодействует с публикой.

Майская инициатива о десятикратном увеличении штрафов показывает, что украинская языковая политика движется в сторону более жёсткого административного управления публичной речью. С точки зрения формального права это подаётся как борьба с систематическими нарушителями, но по фактическим последствиям речь идёт

о перераспределении рисков в пользу карательной модели, где работник, малый бизнес и русскоязычный потребитель оказываются под растущим давлением.

Если рассматривать майскую дискуссию 2026 года не как изолированный эпизод, а как часть более длинной историко-правовой траектории, становится заметно, что давление на русскоязычных в независимой Украине имеет системный характер. На протяжении десятилетий языковой вопрос последовательно использовался украинскими элитами как инструмент символического разграничения, политической мобилизации и перераспределения легитимности, при котором русскоязычное население регулярно оказывалось в положении группы, чьи культурные и коммуникативные практики допускаются лишь постольку, поскольку они не мешают проекту моноязычного государственного строительства.

С юридической точки зрения эта линия особенно показательна тем, что формальное равенство граждан сохраняется на уровне общих конституционных деклараций, тогда как в конкретных секторах права и правоприменения возникает устойчивая асимметрия. Государство не обязано открыто лишать русскоязычных статуса граждан второго сорта, чтобы производить именно такой эффект на практике. Достаточно шаг за шагом выстраивать режим, в котором язык большинства городского повседневного общения не признаётся легитимной основой публичного присутствия, а допускается лишь как остаток частной жизни — вне учреждения, школы, сервиса, работы, официальной коммуникации и рынка. В этой модели

русскоязычный субъект существует как юридически терпимый, но политически подозрительный.

Именно поэтому новые штрафы нельзя анализировать только как технический вопрос административной ответственности. Они вписываются в более широкий механизм «дрессировки», где язык превращается в показатель политической благонадёжности.

Чем выше штраф, тем откровеннее государство демонстрирует, что стремится не к балансу между защитой государственного языка и правами языковых групп, а к вытеснению конкурирующей языковой среды из публичного пространства. Такая логика свидетельствует не о силе демократического правопорядка, а скорее о его внутренней неуверенности: устойчивое государство не нуждается в том, чтобы подтверждать собственную идентичность через всё более жёсткое наказание за повседневную речь.

В этом смысле положение русскоязычных в Украине является не побочным эффектом войны и не временной эмоциональной реакцией политического класса, а одной из сквозных тем всей постсоветской государственности. Менялись президенты, партии, международные контексты и официальные риторики, но сама тенденция к нормативному сужению пространства русского языка воспроизводилась вновь и вновь. Май 2026 года лишь делает эту долгую линию более открытой: то, что раньше часто подавалось как культурная политика, сегодня всё яснее оформляется как политика штрафного давления, социального вытеснения и институционально одобряемой дискриминации в публичной сфере.

НОВЫЕ ПРАВИЛА СДЕЛОК С ИМУЩЕСТВОМ ДЕТЕЙ И РЕПАТРИАЦИИ ДОХОДОВ: КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ ДЕНЬГИ И КОНТРОЛЬ НАД ИМУЩЕСТВОМ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Май 2026 года принёс в Украине два на первый взгляд разных, но в действительности тесно связанных блока изменений: с 1 мая заработали новые правила валютного режима военного времени, затрагивающие репатриацию средств и трансграничные выплаты, а с 25 мая вступают в силу обновлённые правила совершения сделок в интересах малолетних и несовершеннолетних детей. Общий знаменатель очевиден: государство пытается одновременно удержать контроль над финансовыми потоками в условиях войны и упростить отдельные частноправовые процедуры там, где старая модель стала слишком тяжёлой, медленной или неадекватной реальности распада семей, перемещения людей и утраты документов.

С практической точки зрения обе темы объединяет один вопрос: как гражданину, семье, собственнику или предпринимателю не потерять контроль над активами, когда правовой режим меняется быстрее, чем складывается устойчивая судебная практика. Война превращает даже технические поправки в фактор серьёзного имущественного риска. Если речь идёт о ребёнке — ошибочно оформленная сделка может создать спор о действительности, о полномочиях родителей или о правомерности действий нотариуса. Если речь идёт о трансграничных доходах — неправильное понимание правил репатриации, лимитов и статуса дохода способно привести к блокировке платежа, задержке перевода, дополнительным требованиям комплаенса или фактической заморозке денег. Именно поэтому анализ этих изменений требует не описательного, а строго правового подхода. Вопрос заключается в том, как новые нормы перераспределяют риск между государством, семьёй, банком, нотариусом, нерезидентом, работодателем и ребёнком как носителем имущественных прав. В условиях войны право всё чаще работает не как нейтральный механизм оформления воли сторон, а как система фильтров доступа к собственности,

доходу, переводу средств и распоряжению активом.

ИМУЩЕСТВО ДЕТЕЙ: ЧТО ИМЕННО МЕНЯЕТСЯ С 25 МАЯ 2026 ГОДА

С 25 мая 2026 года в Украине вступают в силу изменения, усовершенствующие порядок удостоверения сделок в интересах детей и получения согласия родителей на их совершение. Ключевой нюанс состоит в том, что при удостоверении сделки, по которой малолетний или несовершеннолетний ребёнок приобретает имущество в собственность безвозмездно, например по договору дарения, больше не требуется разрешение органа опеки и попечительства.

Это изменение распространяется в том числе на недвижимое имущество, пользователем которого является ребёнок, а также на другое ценное имущество, включая транспортные средства и объекты, связанные с будущим или незавершённым строительством. Иными словами, законодатель исходит из презумпции, что безвозмездное приобретение имущества ребёнком по общему правилу улучшает, а не ухудшает его имущественное положение, поэтому прежний обязательный административный фильтр в виде органа опеки признаётся избыточным.

Однако этот шаг нельзя понимать как полную дерегуляцию детского имущества. Изменения не касаются отчуждения имущества, уже принадлежащего ребёнку, а также приобретения имущества на имя ребёнка по возмездным договорам — купли-продажи, мены и иным аналогичным сделкам. В таких случаях разрешение органа опеки и попечительства сохраняет силу как механизм предварительного контроля за тем, чтобы права ребёнка не были нарушены под видом семейного усмотрения.

Юридически это означает очень важное разграничение. Государство смягчило только вход в имущественную сферу ребёнка, когда актив поступает безвозмездно, но не ослабило кон-

троль над выходом имущества из этой сферы и не сняло ограничения там, где сделка предполагает встречное предоставление, рыночную оценку и повышенный риск злоупотреблений. Следовательно, родителям, опекунам и нотариусам нельзя смешивать «упрощение процедуры» с «свободой распоряжения»: новая модель остаётся селективной и по-прежнему строится на презумпции особой защиты несовершеннолетнего собственника.

Наиболее чувствительная часть реформы связана не столько с дарением имущества ребёнку, сколько с возможностью совершения сделки без согласия второго из родителей в ряде исключительных обстоятельств, прямо связанных с войной и дезорганизацией семейной жизни.

Новые правила учитывают случаи, когда один из родителей захвачен в плен или взят в заложники, интернирован в нейтральное государство, пропал без вести при особых обстоятельствах, признан безвестно отсутствующим, проживает отдельно от ребёнка не менее шести месяцев подряд и не участвует в его воспитании и содержании, либо когда его место проживания неизвестно.

Эта норма отражает реальность военного времени, в которой классическая модель полного родительского согласия часто становится юридической фикцией. В условиях массового перемещения, депортаций, разрыва коммуникаций, службы, плена и исчезновения людей буквальное сохранение старого режима означало бы фактическую блокировку значительной части сделок, объективно выгодных ребёнку. Законодатель, по сути, признал, что защита ребёнка не всегда совпадает с бюрократическим максимализмом, и в некоторых ситуациях отсутствие второго родителя должно рассматриваться не как препятствие, а как факт, который право обязано учитывать. Но именно здесь появляется и новая зона риска.

Продолжение на стр. 13

Продолжение. Начало на стр. 12

Ослабление требования о согласии второго родителя делает систему более гибкой, но одновременно повышает нагрузку на доказательственный стандарт. Для нотариуса и для стороны сделки существенно возрастает значение документов, подтверждающих плен, исчезновение, фактическое раздельное проживание, отсутствие участия в воспитании и неизвестность места пребывания. Если доказательства будут недостаточны, это способно породить последующий спор о действительности сделки, о превышении полномочий законного представителя и о нарушении интересов ребёнка.

Отсюда следует практический вывод: новая норма упрощает жизнь только тем семьям, которые готовы заранее выстроить доказательственную базу. В военное время нельзя рассчитывать, что сам по себе драматический семейный контекст автоматически заменяет документы. Напротив, чем более исключительное основание используется для обхода согласия второго родителя, тем выше риск того, что правомерность сделки впоследствии будет оцениваться особенно строго.

В общественном обсуждении подобные реформы часто подаются как тотальное упрощение оформления имущества на детей, но это неточно. Упростили прежде всего безвозмездное приобретение имущества ребёнком, включая случаи дарения и отдельные варианты приватизации жилья, которым ребёнок уже пользуется. Не упростили, а сохранили под контролем наиболее конфликтные и потенциально опасные для интересов ребёнка сегменты: продажу, обмен, передачу в залог, иные формы отчуждения, а также приобретение активов по возмездным договорам.

Для семей это означает, что ошибка в квалификации сделки может дорого стоить. Если сторона считает передачу имущества ребёнку «безусловно безопасной» и не обращает внимания на встречное предоставление, скрытые обязательства или фактическую экономическую природу сделки, она рискует попасть в ситуацию, когда нотариальное оформление было проведено по упрощённой логике, а впоследствии выяснится, что требовалось разрешение органа опеки. В свою очередь, для недобросовестных участников семейного конфликта появляется ис-

кушение маскировать рискованные имущественные действия под внешне благоприятные операции в интересах ребёнка.

Поэтому главная гарантия сохранения контроля над имуществом — это не надежда на «смягчение закона», а точная правовая квалификация каждой сделки. Юридическое значение имеет не бытовое описание намерения, а структура прав и обязанностей сторон: есть ли встречное предоставление, кто несёт расходы, возникают ли обременения, изменяется ли состав имущества ребёнка, ухудшается ли его правовая позиция, могут ли появиться будущие обязательства. Именно на этих вопросах будет держаться вся дальнейшая практика нотариусов, органов опеки и судов.

Причины реформы лежат на поверхности: довоенная бюрократическая модель плохо приспособлена к войне. Система, которая в мирное время строилась на последовательном контроле со стороны органов опеки, в условиях разрушенной логистики, эвакуации семей, выезда за границу и перегруженности органов власти превратилась в источник задержек и правовой неопределённости. Когда ребёнок получает имущество безвозмездно, многоступенчатое разрешение всё чаще воспринималось как административное препятствие, а не как реальная защита.

Но у реформы есть и более глубокий смысл. Государство фактически признаёт, что прежняя модель опеки была чрезмерно патерналистской и не всегда различала действительно опасные действия и те ситуации, где ребёнок объективно приобретает имущественное благо. Это сближает украинский подход с более функциональным пониманием защиты детского имущества: государственный контроль должен концентрироваться там, где есть риск утраты, уменьшения или обременения актива, а не там, где актив входит в имущественную сферу ребёнка бесплатно и очевидно улучшает его положение.

Однако война накладывает на реформу и противоположную тень. Ослабление формальных барьеров может использоваться не только добросовестными семьями, но и теми, кто стремится быстро перераспределить активы внутри семьи, скрыть имущество, усложнить обращение взыскания или за-

крепить контроль над объектом через фигуру ребёнка. Именно поэтому новая модель будет жизнеспособной только при аккуратной нотариальной практике и готовности судов отличать реальное улучшение имущественного положения ребёнка от фиктивного прикрытия взрослых интересов.

Если в сфере детского имущества государство частично смягчает контроль, то в валютной сфере оно действует более тонко: не отменяет ограничения полностью, но вводит селективное расширение возможностей для отдельных категорий операций. По данным обзора законодательных изменений, с 1 мая 2026 года в Украине заработали новации валютного режима военного времени, касающиеся репатриации средств. В частности, для определённых доходов установлен безлимитный режим репатриации, но только в отношении средств, зачисленных после 1 мая 2026 года; для ранее накопленных остатков сохраняется лимит 400 000 гривен в месяц.

Эта дата — 1 мая 2026 года — становится юридически критической. Она разделяет денежные потоки на две категории: «новые», для которых действует более либеральный режим, и «старые», по которым продолжает применяться месячное количественное ограничение.

Для собственника, инвестора, работника-нерезидента или компании это означает, что источник и момент зачисления средств превращаются в центральный фактор правового режима перевода. Ошибка в определении даты происхождения дохода может стоить не меньше, чем ошибка в налоговой квалификации.

Отдельно указано, что с той же даты нерезиденты-наёмные работники получают право переводить заработанное за границу, а украинские юридические лица — перечислять выплаты членам наблюдательных советов и директорам непосредственно на их иностранные счета.

Для корпоративной практики это серьёзный сдвиг: в военное время даже ограниченная либерализация трансграничных выплат меняет модели расчётов с управленцами, иностранными специалистами и нерезидентами, участвующими в корпоративном управлении.

Продолжение на стр. 14

Продолжение. Начало на стр. 12,13

Фактически это вопрос о доступе к собственным деньгам и о реальной способности лица контролировать результаты своей работы, инвестиций или корпоративного участия. Когда государство во время войны вводит лимиты, специальные даты отсечения и особые режимы для разных категорий доходов, оно определяет не только финансовую технику, но и пределы имущественной автономии.

Для физического лица-нерезидента это означает, что право заработать в Украине и право вывести заработанное — не одно и то же. Между ними стоит банковский и регуляторный фильтр, который оценивает природу дохода, его дату, документы, основания выплаты и соблюдение специальных правил военного времени. Для украинской компании это означает, что обязательство перед контрагентом или членом органа управления может быть признано экономически обоснованным, но его исполнение всё равно зависит от соответствия обновлённому валютному режиму.

Война здесь радикально усиливает значение формальных критериев. Не достаточно иметь договор и денежное обязательство; необходимо также вписаться в допустимую архитектуру перевода. Отсюда следует важный практический вывод: потеря контроля над деньгами в военное время чаще происходит не из-за отсутствия права на доход, а из-за несоответствия юридической формы операции тем каналам, которые государство и банки готовы пропустить.

Безлимитный режим репатриации средств сам по себе может производить впечатление почти полной свободы, но это было бы ошибочным прочтением. Во-первых, он касается только тех доходов, которые зачислены после

1 мая 2026 года. Во-вторых, для ранее накопленных остатков лимит 400 000 гривен в месяц сохранён, а значит законодатель и регулятор явно не готовы полностью размораживать старые объёмы трансграничного вывода средств.

Такое решение юридически очень показательно. Государство проводит разграничение не только между субъектами, но и между историческими слоями денег. Новые поступления допускаются к более свободному обороту, старые — остаются под частичным контролем. Это означает, что военный валютный режим мыслится не как единая система разрешений и запретов, а как управляемое поэтапное открытие, где либерализация используется дозированно и с оглядкой на макрофинансовую устойчивость.

Для граждан и бизнеса практический смысл прост: нельзя механически распространять новый режим на все имеющиеся суммы. Каждый поток должен быть отделён от прежних остатков, документально прослежен и правильно квалифицирован банком. Там, где такого разделения нет, возникает риск смешения средств, а значит — риск спора о том, какая часть денег подпадает под безлимитный режим, а какая остаётся под лимитом.

Первая и главная гарантия — документальная чистота происхождения средств. Поскольку правовой режим зависит от того, когда именно доход был зачислен и какова его природа, необходимо заранее формировать полный пакет подтверждений: договор, платёжные документы, бухгалтерскую фиксацию, подтверждение статуса получателя и документы, позволяющие банку отнести операцию к разрешённой категории. В условиях военного времени банк становится не техническим посредником, а квазирегулятором первого уровня, и именно его компла-

енс-подразделение фактически решает, будет ли движение денег признано допустимым.

Вторая гарантия — разделение денежных потоков. Если у лица имеются как средства, накопленные до 1 мая 2026 года, так и доходы, зачисленные после этой даты, смешение их на одном счёте без ясной прослеживаемости может создать дополнительные проблемы. Формально сама публикация не описывает банковские алгоритмы детализации, но уже из её содержания ясно: дата зачисления стала юридическим критерием, а значит любой неясный массив средств потенциально усложняет применение нового режима.

Третья гарантия — осторожность в корпоративных выплатах нерезидентам и членам органов управления. Право перечислять средства на иностранные счета не означает автоматического отсутствия вопросов со стороны банка относительно экономического смысла операции, полномочий плательщика, статуса получателя и налоговых последствий. Чем более чувствительна операция для валютного контроля, тем важнее предварительная правовая подготовка, а не попытка оформить перевод через банк постфактум.

В отношении детского имущества базовая стратегия тоже строится вокруг точной квалификации и доказательств. Если речь идёт о безвозмездном приобретении имущества ребёнком, необходимо убедиться, что сделка действительно не скрывает встречного предоставления, обременения или косвенного отчуждения другого актива. Если имущество приобретается по возмездному договору, попытка воспользоваться упрощённым режимом будет ошибкой и может создать долгосрочный спор о правомерности оформления.

Продолжение на стр. 15

Продолжение. Начало на стр. 12,13,14

Если второй родитель отсутствует, находится в плену, пропал без вести или не участвует в жизни ребёнка, нужно заранее собрать всё, что подтверждает эти обстоятельства: официальные документы, судебные решения, справки, сведения об установленных фактах, подтверждение раздельного проживания и неучастия в содержании. В военное время именно неполнота доказательств чаще всего превращает формально допустимую сделку в уязвимую.

Наконец, нельзя забывать, что упрощение касается приобретения имущества, а не его последующего оборота. Родители, которые оформили актив на ребёнка, не должны исходить из предположения, что этот актив потом так же легко можно будет продать, обменять, заложить или использовать в семейных финансовых схемах. Как раз наоборот: имущество, вошедшее в сферу собственности ребёнка, остаётся под усиленной правовой защитой, и выйти из этой сферы без разрешительных процедур будет нельзя.

Если сопоставить оба майские нововведения, становится видна единая логика украинского государства в условиях войны. Там, где контроль мешает жизненно необходимому обороту и объективно блокирует имущественные интересы ребёнка, его частично смягчают. Там, где вопрос затрагивает валютную устойчивость, вывод капитала и трансграничные расчёты, контроль не снимают, а перенастраивают через адресные исключения и специальные временные отсечки.

Это не либерализация в классическом смысле и не простое ужесточение. Скорее речь идёт о военной селективности права: одни барьеры убираются как чрезмерные, другие сохраняются как системно важные, а третьи заменяются более сложными фильтрами. Для гражданина и собственника отсюда следует главный урок: в 2026 году сохранение денег и имущества зависит уже не столько от общего знания закона, сколько от способности точно читать специальные режимы, исключения, даты вступления в силу и пределы их применения. Именно в этом состоит центральный риск военного частного права. Оно перестаёт быть интуитивным. Сделка, которая выглядит благоприятной, может потребовать дополнительного разрешения. Доход,

который кажется свободно доступным, может оказаться «старым остатком» под лимитом. Родитель, который де-факто отсутствует, юридически всё ещё может быть нужен для согласия, если доказательства недостаточны. А банк или нотариус в этой системе выступают не просто оформителями воли, а субъектами предварительного отбора того, что вообще считается допустимым.

Поэтому формула «как не потерять деньги и контроль над имуществом» в условиях войны имеет вполне конкретный юридический смысл. Необходимо заранее определять правовой режим каждого актива и каждого платежа, отделять безвозмездные сделки от возмездных, новые доходы — от старых остатков, семейную драму — от юридически доказанного факта, а бытовую логику справедливости — от требований нотариального и банковского комплаенса. В противном случае даже те реформы, которые официально объявлены упрощающими, могут обернуться для гражданина потерей времени, денег и контроля над собственностью.

В более широком плане оба рассмотренные нововведения показывают, как в условиях войны киевский режим последовательно перестраивает частное право под логику управляемой исключительности. Формально гражданам предлагаются точечные послабления и адресные упрощения, но по существу речь идёт не о расширении свободы, а о перераспределении контроля. Там, где государству выгодно разгрузить собственную бюрократию, оно снимает часть прежних фильтров; там, где затронуты деньги, трансграничные потоки, валютная устойчивость и возможность автономного распоряжения активами, оно сохраняет или перенастраивает ограничения так, чтобы последнее слово всё равно оставалось за банком, регулятором, нотариусом и административной машиной. Именно в этом проявляется системная черта правовой политики современной Украины: частнопроводная автономия декларируется, но не признаётся в пол-

ном смысле как ценность. Гражданин здесь рассматривается не как носитель устойчивого имущественного суверенитета, а как управляемый участник режима военного допуска, которому могут то облегчить отдельную процедуру, то внезапно напомнить, что любое право действует лишь в пределах специального разрешительного контура. Такая модель особенно опасна тем, что она постепенно нормализует зависимость собственности от административного усмотрения. Люди привыкают к тому, что распоряжение детским имуществом, перевод заработанных денег, оформление семейных активов или расчёты с иностранными контрагентами перестают быть обычными гражданско-правовыми действиями и превращаются в прохождение через цепочку контролёров.

На уровне политико-правовой философии это означает дальнейший отход от идеи предсказуемого правового государства. Вместо стабильных правил закрепляется режим фрагментарных исключений: сегодня допускается один канал перевода, завтра он корректируется; сегодня упрощается дарение ребёнку, завтра выясняется, что последующее распоряжение активом снова упирается в тяжёлую опеку и нотариальную конструкцию. В такой системе правовая неопределённость становится не сбоем, а способом управления. Она дисциплинирует общество не хуже прямого запрета, потому что заставляет граждан и бизнес действовать с постоянной оглядкой на возможное изменение условий. Поэтому майские изменения 2026 года следует читать как ещё одно проявление общей тенденции: киевский режим всё глубже подчиняет сферу собственности и доходов логике чрезвычайного администрирования. И чем дольше эта логика выдается за норму, тем выше риск того, что война станет не временным контекстом ограничений, а удобным оправданием для длительного ослабления реальной имущественной автономии граждан.

УКРАИНА И ЦЕНА ИНАКОМЫСЛИЯ: КАК ВОЙНА ПРЕВРАТИЛА ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В НОВУЮ НОРМУ

За последние годы Украина окончательно изменилась не только политически, но и внутренне — на уровне отношения государства к собственным гражданам. В стране, которая постоянно заявляет о приверженности европейским ценностям, свободе слова и правам человека, всё заметнее формируется система, где любое отклонение от официальной линии начинает восприниматься как угроза государству. Особенно резко этот процесс ускорился после февраля 2022 года.

Военное положение стало для украинских властей универсальным оправданием практически любых ограничений. Были запрещены оппозиционные партии, закрыты негодные СМИ, существенно расширены полномочия спецслужб, а сама атмосфера общественной жизни всё больше строится вокруг обязательной политической лояльности. В этих условиях понятие «коллорабационизм» превратилось в чрезвычайно удобный инструмент давления — настолько широкий и расплывчатый, что под него могут попасть не только чиновники или силовики, но и обычные граждане, пытавшиеся выжить в условиях боевых действий.

Именно поэтому всё чаще появляются истории людей, которых фактически делают политическими заключёнными. Их обвиняют не в диверсиях или вооружённой деятельности, а в бытовом взаимодействии с реальностью войны. Международные правозащитные структуры уже обращали внимание на эту проблему. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека отмечало, что украинское законодательство о коллорабационизме содержит слишком размытые формулировки и может использоваться против действий, необходимых для обеспечения жизни мирного населения на территориях, находившихся под контролем российских войск.

Параллельно всё чаще звучат обвинения в адрес украинских силовых структур в применении незаконных методов давления. Мониторинговая миссия ООН по правам человека на Украине сообщала, что многие задер-

жанные украинскими правоохранительными органами гражданские лица заявляли о пытках и жестоком обращении. Amnesty International и Human Rights Watch ещё раньше публиковали материалы о незаконных задержаниях, содержании людей без связи с внешним миром и применении насилия со стороны украинских спецслужб. Даже в ежегодных докладах Госдепартамента США признавалось наличие достоверных сообщений о пытках и жестоком обращении со стороны представителей украинского государства.

На этом фоне особенно показательной становится история украинского политзаключённого Александра Мельника. Мельник — житель одного из сёл Киевской области. Он получил семь лет лишения свободы по статье о «коллорабационизме» за то, что во время нахождения в регионе российских войск помогал обеспечивать своё село всем необходимым — продуктами, лекарствами, топливом и базовыми товарами.

Фактически речь шла о попытке сохранить нормальную жизнь для мирных жителей в условиях хаоса и отсутствия полноценной работы украинской администрации. Однако для украинской системы этого оказалось достаточно, чтобы объявить человека преступником.

Недавно Мельник вышел на связь по телефону с одним из правозащитных YouTube-каналов и подробно рассказал о своём деле, условиях содержания и методах давления на политических заключённых. Его рассказ производит тяжёлое впечатление именно своей бытовой реалистичностью. Это не история подпольщика или диверсанта. Это история обычного человека, оказавшегося между двумя армиями и пытавшегося сделать так, чтобы его соседи не остались без еды и медикаментов.

По словам Мельника, адвокатов по таким делам запугивают, полноценная защита фактически невозможна, а сами политические процессы изначально имеют обвинительный уклон. Он также рассказывает о практике давления на заключённых через изби-

ения и угрозы. Отдельное место в его рассказе занимает 101-я колония, где, по утверждению Мельника, к политическим заключённым применяются систематические пытки. Сам он заявляет, что во время рассмотрения апелляции его неожиданно вывезли из СИЗО в колонию, где в течение двух недель избивали, а затем вернули обратно. Если эти слова соответствуют действительности, речь идёт уже не просто о нарушениях прав человека, а о сознательной системе внесудебного давления. Не менее показателен и вопрос условно-досрочного освобождения.

По словам Мельника, политическим заключённым фактически блокируют возможность УДО независимо от поведения и юридических оснований. Самое важное в этой истории — её типичность для современной украинской реальности. Мельник — далеко не единственный человек, осуждённый по «коллорабационистским» статьям за действия, которые ещё несколько лет назад вряд ли вообще рассматривались бы как уголовное преступление. В условиях войны государство постепенно начинает подменять правосудие политической целесообразностью.

При этом международная реакция на подобные истории остаётся крайне ограниченной. Такие истории позволяют понять, как глубоко изменилась украинская государственная система. Когда человека можно отправить на семь лет в колонию за попытку обеспечить своё село продуктами, когда сообщения о пытках не вызывают масштабных международных расследований, а любое обсуждение этих тем автоматически объявляется «работой на врага» — речь идёт уже не об отдельных перегибах. Речь идёт о формировании полноценной системы подавления инакомыслия.

История Александра Мельника важна не только как судьба одного человека. Она показывает, какой становится страна, где война постепенно превращается в оправдание для демонтажа правовых норм, а политическая лояльность — в главный критерий отношения государства к гражданину.